

Генри Лайон Олди

Дикари Ойкумены

Книга первая

Волчонок

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ОП-ДИ-ДУ-ДА или МЫ ЗАВАЛИМ НАСТОЯЩЕГО МОНСТРА!

!

— Подъем, сволота! Вас ждут великие дела!

В голове взорвалась атомная бомба. С оглушительным звоном разлетелись стекла — Игги готов был поклясться, что осколки градом сыплются у него из ушей. Порыв ветра хлестнул по щекам, окропив лицо соленым крошевом брызг. В ноздри ворвался йодистый запах моря. Запах фальшивил — чуткий нос Игги уловил в нем синтетические нотки вэйк-тоника. Фальшь взбесила Игги, человека тонкой душевной организации. Бранясь так, что смутились бы и грузчики в варварском порту, он разлепил веки. Аларм-система отреагировала без промедления: ядерный взрыв

сменился шлягером «Оп-ди-ду-да», популярным в этом сезоне, а ураганный ветер — свежим бризом. Лишь псевдо-морской аромат с примесью тоника никуда не делся.

Кажется, решил Игги, мы с Глюком вчера перестарались. Выставить аларм во всем компэйн-коттедже сверху донизу — это приколы! На полседьмого утра — это суровый приколы! В режим экстрим-побудки — это приколы приколов! После двойной дозы имаджайзера и грибного супчика, что забодяжил Лат, в голову лезут исключительно клевые идеи. Выдернуть «сволоту» из тепленьких лежбищ ни свет ни заря — супер, оп-ди-ду-да! Но Игги, брат, на хрена ты устроил побудку самому себе?

Или это Глюк удружил?!

Сна не осталось ни в одном глазу. Жаль, они с Глюком не догадались наткаться камер по апартаментам. Взглянуть бы сейчас на рожи приятелей — сразу б настроение поднялось! Хотя... Игги Добс с удивлением отметил, что настроение у него и так — ди-ду-да, оп-оп! Боевой бодрячок. И отходняка нет — ура натуральным препаратам! Прав Лат: синтетика — дерьмо. Мозги выжигает, и кумар от нее чернушный...

— Раздолбаи, подъем! Брейтесь-мойтесь-похмеляйтесь!

Система бдительно отслеживала реакции «клиента», не позволяя впасть в прострацию. Текст для побудки Глюк сочинил, больше некому. Крепко вчера задвинулись, с душой. Странно, что башка не трещит. Ну да, оп-ди-ду-да, об этом Игги уже думал: натуральные препараты. Это постал, это нас циклит. Ладушки, сам отследил, значит, все в норме, все под контролем... Лат велел: наутро быть в форме. Расслабляемся, но без фанатизма. У нас завтра сафари...

Сафари!

И не завтра, а сегодня!

Сбросив одеяло, Игги с решительностью бывалого охотника принял сидячее положение. Покрутил головой, разминая затекшую шею; сфокусировал взгляд. Оп-ди-ду-да! — рядом безмятежно посапывала куколка Мира, радость наша. Если бы за талант сладко дрыхнуть в любом аду платили деньги, Мира ворочала бы триллионами.

— Эй, лисичка! — сунув руку под одеяло, Игги дернул подругу за пушистый хвост. — Бегом в ванную!

По телу девушки прошла волна сладкой дрожи. Демонстрируя раздражение, шевельнулись острые ушки. Мира перевернулась на живот, обеими руками обхватила подушку. Вдоль позвоночника вздыбилась полоска нежной золотистой шерсти.

— Отстань, дурак, — сонно мурлыкнула Мира.

— Вставай!

Одеяло улетело в угол. Игги замер, любясь обнаженной Мирой. Казалось бы, тысячу раз ее видел — в бассейне, в постели, на пляже. Скоро два месяца, как они вместе. Сумасшедший срок для Игги, менявшего пусечек трижды в сутки; для Миры — еще круче.

Может, это любовь?

Игги фыркнул. Любовь! Скорее, профессиональная заноза в заднице. Желание любоваться чужим совершенным творением. Тот мастер, что проводил Мире эро-вульпинарную модификацию, определенно был гением! Элит-визажист Игги Добс знает толк в таких вещах. Он и сам гений, оп-ди-ди! И пусть Игги никогда не работал с модификациями тела — лицо, прическа, общий имидж... Плевать! Нам ли, гениям, считаться заслугами?

Один взгляд на тело Миры мог довести девственника до инсульта. Бархат кожи; шелковистая поросль на спине. Шерсть густела к ягодичам, превращаясь в роскошный мех. Из копчика рос пышный хвост. О, Мира, солнце мое, что ты вытворяла хвостом, когда была в настроении! Пламя волос; разумеется, рыжих. Мордашка человеческая, симпатичная, без лишних кукольных красот. Но разрез глаз, хитрый прищур, высокие скулы, чуть вздернутый носик, солнечная россыпь веснушек...

Лиса! Дикая лисица, оп-ди-ду-да!

Игги, сколько себя помнил, западал на модификантов. Встречался с одной киноидной сучкой, потом была фелина... Увы, первая была «заточена» под пастушьи дела, вторая — под телохранителя. Не те повадки, какие Игги Добс предпочел бы для интима. Зато Мира, лукавая хитрюга Мира...

— У нас сафари, детка! Где твои охотничьи инстинкты?!

Мира шевельнула ухом:

— Охотничьи?

С ленивой грацией она взмахнула хвостом: давай, я жду!

— Извини, не сейчас!

Игги торопливо выбрался из постели, едва не упав при этом. Углядел трусы на ручке шкафа, поспешил натянуть их на себя. Он прекрасно знал, что будет, если Мира добьется своего. До обеда они из номера не выберутся, и после обеда — не факт. Сафари накроется медным тазом. А ради чего, оп-оп-оп, Игги Добс приперся на этот долбаный Тренг?

— Вставай!

— Сафари! — вдруг плотоядно оскалилась Мира, сделавшись как никогда похожа на хищницу, и прыгнула на Игги. Добс чудом увернулся, схватил подушку и запустил ею в шутницу. Девушка с хохотом повалилась обратно на кровать, выгнулась, словно в экстазе. Нет, Игги не поддался на провокацию. Он искал штаны и нашел. Искал рубашку и тоже нашел. Мира надула губки, но быстро передумала, смирилась и, вздохнув с воистину лисьим притворством, отправилась в ванную комнату.

— Сафари, — напевала она из-за двери, — сафари!

— Оп-ди-ду-да, — вторил Игги.

— Мы едем на сафари...

— Ду-да, да-да-да...

Одевшись, он уставился на свое отражение в «зеркальной» голосфере визаж-модуля. Первое правило Игги Добса: имидж должен соответствовать ситуации. Только придурок, не имеющий понятия о стиле, попрется на бласт-концерт, в ресторан и на стадион в едином концепте. Костюм сменит, а толку?

В обычное время растительность на лице Игги, включая брови и ресницы, отсутствовала — не вписывалась в базовые концепты. Но за день до полета на Тренг опытный Добс сменил крем-депилятор на интенсив-лосьон «Коко Труды». Сизая щетина — воплощенная мужественность, можно сказать, воинственность. Волосы взлохмачены в художественном беспорядке номер семь. Лицо после вчерашнего чуть помято — замечательно! Косметики — ноль, не тот случай... Ну, разве что носогубные складки чуть глубже обозначим. И последний штрих — по капле флюоракса в каждый глаз. Теперь мрачный лихорадочный блеск обеспечен.

Ну-ка, проверим...

Из голосферы на Добса глядел суровый оп-ди-ду-да. Он был старше Игги лет на десять, потрепан жизнью, хмур с похмелья и готов свернуть шею голыми руками любому, кто придется ему не по нраву. Ей-ей, любому, от нерасторопного официанта до десятиметрового мегалозавра! В глазах бывшего парня — рейнджера, вернувшегося из джунглей — сверкали опасные искры безумия.

— Котик, — Мира вернулась из ванной. — Где мои...

И вдруг завизжала.

II

— Ты кто? Проводник?

— Ну?

— Это ты тарарам устроил, придурок?!

Игги развернулся всем телом, так, чтобы говоривший хорошо рассмотрел тяжелую кобуру на поясе — и торчащую из нее рубчатую рукоятку «Ангстрема».

— Кажется, ты назвал кого-то придурком, сынок? Повтори-ка, я не расслышал.

И двинул челюстью, перебрасывая «черуту» из левого угла рта в правый.

— П-простите, сэр, это я не вам... Игги?! Ты?!

— А это ты кому сейчас говоришь, сынок?

Глюк судорожно икнул, попятился, щурясь: неужели все-таки обознался? Игги не выдержал, расхохотался в голос. Следом прыснула Мира, в восторге колотя хвостом по «таблетке» антиграв-табурета.

— Купился!

— Ну ты крут, Игги! Не признал!

Хмыкнув, Игги выпустил в Глюка клуб дыма. Потертый камуфляж — специально не стал новье брать — сидел на Добсе, как родной. Пояс-патронташ, подсумки, кобура с «Ангстремом» — имидж оп-ди-ди! Глюк в своей проклепанной куртке с черепами и гидрофобных штанах-«питонах» смотрелся на фоне приятеля жалким туристом. А люминесцентные патлы, торчавшие острыми «сосульками», и вовсе превращали Глюка в дешевого шута.

Сказать по правде, Эрни М. Глюк был очень дорогим шутком. Король дюжины вирт-шоу, транслирующихся через гипер по всей Ойкумене, Глюк селезенкой чуял тренд и фокус-группу, доводя зрителей до оргазма. Купить такого на новое лицо — что в лотерею миллиард выиграть.

— ...А тарарам, Глючара, ты устроил. При моем участии...

— Я?!

— Память отшибло? Кто вчера алармы ставил?

— О да, белые хозяева любят пошутить!

В баре объявился Латомба, за ним, матерясь на пяти языках — Диззи с новой подружкой, имени которой Игги не мог запомнить, как ни старался. Последним топал человек-гора, толстяк Хью, рекордсмен поедания блинов на скорость. Он волочил за ремень антикварный лучевик с длиннющим стволом.

— Хай, сволота! — рык Игги перекрыл общий гам. — А ну, встряхнулись!

— В такую рань... — простонал Хью, маявшийся отходняком.

Игги проигнорировал блиноеда:

- Лат, сваргань-ка нам допинг! Прочистим мозги...
- Нет проблем, большой бвана! Латомба все сделает.
- И побыстрее!
- Три минуты! Бвана будет доволен: мозги аж закипят...

Чернокожий вудун Лат, как обычно, валял дурака. Стриптизер экстра-класса, он выступал на приват-вечеринках для миллионерш, потерявших вкус к жизни, и пресытившихся «звезд» эстрады. После его танца миллионерши, подвывая от вожделения, пускались во все тяжкие, а «звезды» давали благотворительные концерты в десантных частях. Были тому причиной вудунские хитромудрые штучки или личный гений Лата, Игги не знал. В любом случае, гонорары Латомбы не уступали его собственным.

Гибкие, словно каучуковые пальцы нырнули в сферу кавтомата, сыграв пассаж. Из недр аппарата выехал поднос с семью чашками кофе — такого крепкого, что он был готов сплясать качучу. Латомба распылил над чашками щепотку остро пахнущего зелья, добавил гранулы, похожие на речной жемчуг, и перемешал кофе палочкой из слоновой кости.

— Угощайтесь, бвана! Угощайтесь, бвани!

Кофе отдавал горечью осенних листьев.

Действие допинга Игги ощутил сразу. Мир распахнулся, наполнившись светом и звуками, оттенками и ароматами. Жизнь обрела резкость и глубину. В теле, игристым вином в бутылке, бурлила энергия — колючая, бесшабашная. Она требовала выхода. Вот-вот сорвет пробку — крышу? — фонтаном выплеснется наружу и пойдет куролесить!

— Круто! — оценил Диззи, приплясывая.

— Лата в президенты!

— Спасибо, мудрый вождь! Латомба рад, что вождю понравилось!

— Ну что, всех вставило?!

Ответом был восторженный рев.

— Оружие? Батареи?

— Порядок!

— А проводник? — заикнулся было Хью.

— Дрыхнет, небось!

— На хрена нам проводник?

- Координаты в автопилот вобьем — моб сам долетит!
- А на месте?
- А что на месте? Сканер зверя засечет, а там знай, пали!
- Сегодня мы завалим настоящего монстра!
- Махайрода!
- Тираннозавра!
- Оп-ди-ду-да!
- Мы всех завалим!
- Вперед!

В дверях возникла давка. Диззи бранился, его подружка визжала, хохотала Мира, Лат рассыпался в извинениях перед «храбрыми, но горячими бвана»... Гогочущий, вопящий клубок вывалился на свежий воздух и, распадаясь по дороге на отдельные тела, устремился к крытой платформе аэромоба.

Глюк успел первым. Он уже вводил в автопилот координаты, сверяясь со своим коммуникатором.

III

Внизу, под аэромобом, бежали барашки волн. Зелень океана — и белые росчерки пены. Я прикоснулся к Вечности, решил Игги. Твою мать, я философ! Так было миллион лет назад, и так будет через миллион лет. Плевать, какие расы к тому времени будут населять Ойкумену, чего они достигнут, откроют и сотворят. Океан останется прежним: движуха на поверхности — и мрачнюк глубин, где обитают жуткие твари.

Жутких тварей на Тренге хватало. Планету открыли полвека назад, и ее биосфера свернула набекрень мозги яйцеголовым умникам. Такого разнообразия видов не было ни в одном из известных миров Ойкумены. Рай для биологов; рай для любителей сафари и экстрим-рыбалки.

В уши ворвался грохот бласт-синта — Диззи врубил музон на полную катушку. «Последний альбом Мортал Макса,» — определил Игги. Еще бы не определить! Кто делал Максу сценический концепт? — он, Игги Добс. Трехслойный грим, меняющий лицо в поляризованном свете: злой пупс, киборг-убийца или мертвец разной степени разложения, в зависимости от освещения. Набор быстрорастущих париков, трико-«хамелеон», шляпа-трансформер... Это в занюханной древности визажист отвечал лишь за лицо клиента. Теперешний визажист — мастер на все руки. Лицо клиента — личность, единый стиль, а где личность, хо-хо, там и наличность...

— Смотри, смотри! Там, под нами!

— Где?

— Да вот же! — Мира с трудом перекрикивала бласт-синт.

— Ни черта себе!

В глубине, под суматохой волн, скользила гигантская тень.

— Метров семьдесят, клянусь!

— Не медуз жрет, нет, не медуз...

— Кажется, смелый бвана предлагал подводную охоту?

— На фиг, на фиг, без меня!

— Да выруби ты свою камнедробилку!

Диззи внял: убавил громкость.

— А на суше таких нету?

— Справочник пишет: нет. Тираннозавры, максимум...

— Такому тираннозавр — на один зуб!

— Эй, земля! Впереди земля!

Разлапистая туша острова росла на глазах. Прибой вскипал на скальных клыках бухты. Мнилось: исполин жадно пьет соленую воду, не в силах утолить жажду. Береговые утесы вздымались спинным гребнем дракона. Аэромоб набрал высоту, замедляя ход. За скалами начиналась буро-зеленая грива джунглей — она уходила к горизонту, желтея редкими проплешинами.

— Ничего себе, островок!

— На меньших стрелять некого, — Игги вернулся в образ бывалого охотника. — Мелюзга одна.

— Как мы найдем добычу в этой чащобе?

— Сканером...

— Глюк, переходи на ручник и врубай тепловизор...

Аэромоб тряхнуло. Подруга Диззи взвизгнула — обычная ее реакция на все раздражители мира. К счастью, Глюк быстро выровнял машину. Игги выбрался из кресла и, хватаясь за спинки, направился к пилотской кабине. Приятель нуждался в чутком руководстве. Еще напортачит чего... Прозрачность корпуса Глюк выставил на 100% — идти по невидимому полу над зарослями, проносающимися внизу, было страшновато. Ускорив шаг, Игги плюхнулся в свободное кресло дубль-пилота.

Сунулся в контрольную сферу сканера: так и знал! С настройками Эрни налажался. В глазах рябило от пунцовых точек и пятнышек: тепловизор старательно показывал всю живность, какая имелась в округе.

От полевой мыши до бронтозавра.

— Все, блин, самому делать надо, — вздохнул Игги. — Ты давай рули, а я сканерить буду. Сейчас фильтры выставлю...

Он шумно потянул носом, принюхиваясь. Обоняние редко подводило Игги, а Глюк отличался редкой щедростью.

— Будешь?

— Давай.

Приняв раскуренный косяк, Игги сделал пару добрячих тяг. Ну-ка, что у нас с фильтрами? Выставляем по размеру: все, что меньше двух метров — отсекаем! Пунцовых пятен в сфере стало на порядок меньше. Теперь был виден один крупняк. Эй, вот это зверюга! Игги дал приближение. Диплодок? Нет, не прикольно. Травоядный увалень, в такого и слепой не промахнется. Даешь хищников! Злых, опасных, увертливых. Чтоб уж трофей — так трофей!

— Долго еще? — заворчал Диззи из салона. — Где наши монстры?!

— Бвана хочет крови? Не терпится?

— Когда стрелять будем?!

— Глюк, бери левее. Там кто-то метется, как припаленный!

Аэромоб заложил крутой вираж. С третьей попытки Игги поймал шустрюю зверюгу в «захватник» сканера. Открыл суб-сферу в оптическом диапазоне, запустил компиляционное наложение. Программа знакомая, в визаж-модуле такая же...

— Есть! Махайрод!

— Где?!

Игги сбросил изображение на большую сферу в салоне.

— Глюк, жми!

— Догоняй!

— Дайте, дайте я его!

Зверюга была — зашибись. Вытянутое от бега тело бугрилось чудовищными мышцами. Они перекатывались под желто-бурой шкурой при каждом стремительном движении. Четыре с лишним метра в длину, не считая короткого хвоста. Полтонны живого веса, если верить сканеру. При одном виде влажных от слюны клыков,

выпиривших из-под верхней губы, по хребту Игги метнулись толпы мурашек. За кем гонится махайрод? Игги расширил обзор, вызвав крики возмущения в салоне, но никакой потенциальной добычи не обнаружил. Великий Космос! Если не за кем, то от кого эта тварь так мчится?! Игги прошиб холодный пот: ему страшно было даже представить, от кого может удирать махайрод! Однако погони тоже видно не было. Спустя пару секунд Игги от души расхохотался, хлопнув себя ладонью по лбу.

Зверь удирал от аэромоба.

Палить на лету по бегущему махайроду, целясь сквозь полог ветвей и лиан — гиблое дело. Высаживаться на пути хищника, чтобы встретиться с ним на земле — поищите дураков! Игги был знатным торчком, но не идиотом. На счастье, впереди, примерно в полукилometре, природа воздвигла естественную стрелковую трибуну — бурая россыпь валунов вокруг отвесных скал смахивала на друзу гигантских кристаллов, которую выперло из-под земли давним катаклизмом.

— Обгоняй его и метись к тем скалам. Там развернись и зависни.

Двигун надсадно взвыл, аэромоб дернулся, как норовистый конь. Игги с опозданием сообразил, что хищник после их маневра может рвануть в другую сторону, а то и повернуть обратно. Нет, обошлось. Махайрод ломился в прежнем направлении, не сбавляя хода.

— Вруби автостабилизацию, чтоб нас не болтало. Открывай все, что можно. Нам нужен оп-ди-ду-да...

— Кто?

— Сектор обстрела!

— Тут борта убираются, и крыша...

— Убирай по пояс, чтоб не выпал никто. Хватай оружие, сволота!

Зверь был уже рядом. В кобуре на бедре Игги висел «Ангстрем» с полным боекомплектом, но это для понта. На охоте надо палить из чего-нибудь длинномерного. Ага, вот и «Стрела»; между сиденьями завалилась. Игги едва успел снять ружье с предохранителя, как кусты на опушке с треском раздались, будто волны растительного моря — и оттуда сухопутным глассером вылетел махайрод.

— Огонь! — завопил Игги, бледнея от азарта.

Поймав зверя в прицел, он надавил на спуск. Антикварный лучевик Хью полыхнул миниатюрной сверхновой. Взвизгнул импульсник в руках Миры. Треск разрядов, и валун под лапами махайрода оплавился, частично разлетевшись фонтанами каменной крошки. В кустах, как по волшебству, возникли изрядные прорехи. Зверь в панике прыгнул в сторону и подставил под выстрелы бок. Торопясь, почти не целясь,

Игги всадил в клыкастую тварь с полдюжины зарядов. Срезанный в прыжке махайрод задергался в агонии. Кривые когти скребли край валуна, оставляя на камне глубокие борозды. А охотники все продолжали палить, не в силах остановиться.

— Хватит! Готов уже! — орал Игги.

Тщетно.

— Вы от него мокрого места не оставите, придурки!

Он охрип от крика, когда компания наконец угомонилась.

— Видели? Как я его завалил!

— Ты гонишь! Это я его!

— Нет, я!

— Я тоже попала!

— Ага, когда он уже сдох!

— А вот и нет!

— Пошли, посмотрим!

— Говорю, это я!

Аэромоб посадили метрах в ста от убитого хищника. Ближе не позволяли скалы и осыпи. Прежде, чем покинуть машину, Игги бросил взгляд на голосферу сканера. Ничего крупного поблизости не наблюдалось. Но когда Игги ступил на шуршащую под ногами осыпь, сердце колотилось, как после двойной порции Латова кофейка. Ладони, сжимавшие «Стрелу», вспотели. Терзала идея-фикс: зверюга не сдохла, она лишь притворяется. Стоит подойти к ней на расстояние прыжка... Говорят, махайроды крайне живучи.

Кто это говорил, Игги не помнил.

— Он мертв, — шепнули в самое ухо.

Добс дернулся, оборачиваясь. Рядом стоял Латомба. Против обыкновения, вудун не паясничал, за что Игги был ему благодарен.

— Уверен? — так же шепотом спросил Игги.

Латомба кивнул.

— Ну, спасибо, утешил...

И впрямь попустило. Если Лат говорит, значит, так оно и есть. Вудуны зверей чувят. Тут стриптизеру можно доверять на все сто.

— ...я ж говорил! Моя работа!

Ногой, обутой в остроносый сапог, Диззи попирал косматую башку махайрода. От нажима страшные клыки хищника кончиками воткнулись в рыхлую землю. Зверь был огромен, но мертвый смотрелся жалко. Шерсть местами свалялась в грязные колтуны. Ярость угасла в желтых глазах, из пасти медленно стекала тягучая, вязкая слюна, мешаясь с кровью.

И запах...

Мира не выдержала, отвернулась. Вслед за ней — подруга Диззи.

— Все видели? Моя отметина!

Диззи ткнул стволом в дырку на шее махайрода, обрамленную глянцевым венчиком запекшейся крови.

— Я сюда и целился! Наповал!

Спорить Игги не хотелось, хотя он видел минимум пять отверстий в боку зверя, проделанных его «Стрелой». И еще одно, в груди — от импульсника Миры.

— Шкуру попортили... — буркнул Хью.

— На хрен шкуру! — взвился Диззи. — Главное, башка цела! Велю выделать чучело — и на стенку повешу. Цыпа, ты где? Иди сюда, Игги нас снимет! На память!

Игги кивнул на махайрода:

— Башку ему ты резать будешь? Ножик дать?

— Я?! Твою мать! — до тугоумного Диззи наконец дошло. — Надо было проводника дожидаться... Он бы и отрезал!

— Твой трофей, — ухмыльнулся Игги. — Ты и режь.

Глюк заржал молодым жеребцом, Лат расплылся в улыбке. Настроение улучшилось у всех, кроме возмущенного Диззи.

— Становись к туше! Снимемся и летим дальше!

— Все трофеев хотят!

— Давай, не тормози!

Диззи облапил подругу, тиская ей грудь. Хью нацелился камерой, вспыхнул контрольный индикатор — запись пошла. Крупный план в кадре сменился средним, захватывая часть джунглей...

— Что за гадство! — Хью нахмурил брови. — Настройки полетели...

IV

Джунгли ожили; вернее, расслоились. В мешанине листьев, ветвей и лиан проступили зыбкие силуэты. Так бывает, когда сбоит голопроектор. Объемные фигуры превращаются в призраков, плоских, как лист оформительской пленки, и сквозь них просвечивает «задник».

«Вот это меня вштырило! — восхитился Игги. — С чего бы?»

Два призрака шагнули ближе, обретая материальность. Шесть суставчатых лап возносили выше человеческого роста раковину — глянцевый, витой, сильно наклоненный вперед конус. Раковины были наискось срезаны на концах. Из срезов, из темно-красной перламутровой глубины, словно мясистые опухоли, выпирала лоснящаяся, розовая масса. Если красота раковин приводила в восторг, то их содержимое — сухопутные моллюски — вызывало инстинктивное омерзение. Игги попятился, поднимая «Стрелу». Руки онемели, ружье грозило выпасть из пальцев. Воздух, горячий и влажный, комом блевотины застрял в глотке. Игги судорожно икнул — раз, другой. Приклад «Стрелы» ткнулся в плечо. Паук, подумал Игги. Моллюск. Паллюск, оп-ди-ду-да! Шестиногая дрянь в прицеле рябила, расплывалась. Неприятно подергиваясь, паллюск шел цветными пятнами. Из последних сил Игги боролся с икотой. Я промажу, знал он заранее.

Однозначно промажу!..

Студень паллюска дрогнул. Миг, другой, и на Игги уставились два жемчужно-мутных бельма. Они сидели на кончиках слизистых рожек. Вокруг бельм наскоро формировалось безволосое лицо — судя по чертам, вполне человеческое.

Мое, хихикнул Игги. Чтоб мне сдохнуть, мое!

Истошно завизжала подруга Диззи. Эхом взвизгнул импульсник Миры. Вспышка, и Игги, отчаянно заорав, тоже нажал на спуск.

— Мое! — крик рвал горло. — Отдай мое лицо, мразь!

Палец занемел, разряжая батарею ружья.

— Ди-ду-да! Ди-ду-да, чтоб ты сдох!

Рядом палили, визжали и матерились. Раковина ближайшего паллюска разлетелась на куски, обдав охотников гейзером белесой жижи. Остро, вызывая тошноту, запахло креветочным супом с цитронеллой. Суставчатые ноги твари разъехались, скрежеща когтями по камням; дымясь, останки рухнули наземь.

— Есть! Мы ее завалили!

Игги развернулся ко второму паллюску и ослеп, как от огня плазменной сварки. Не целясь, он выстрелил в этот огонь. Сквозь багровые, сводящие с ума круги он видел, что на него надвигается зеркало. В зеркале полыхало неистовое солнце

Тренга, а за буйством плазмы проступало еще одно, смутно знакомое лицо. Мира, подумал он. Мира, лисичка моя! Они и тебя обокрали... Отшвырнув разряженный лучевик, рыдая от рези под веками, Игги бросился прочь, не разбирая дороги. Нога подвернулась, угодив в трещину между камнями, Добс упал, до крови ободрав колени, снова вскочил, не чуя боли — бежать, бежать!

На карачках, на четвереньках; ползти...

— Скалы! — надрывался с небес баритон Латомбы. — Все на скалы!

Джунгли рождали все новых паллюсков. Они сияли на солнце, будто их облили жидким металлом. Отступая, Диззи и Хью продолжали стрельбу, но раковины-зеркала отражали лучи. Плавилась камни, вспыхивали кусты и деревья. Впереди, в тридцати метрах от Игги, обогнав всех, взбирался на скалу Латомба. Распластавшись по камню, он перетекал с места на место, как клякса. Только кляксы обычно сползают вниз, а упрямец-стриптизер тёк вверх. Впервые в жизни прекрасно развитые мышцы Латомбы пригодились вудуну не для того, чтобы бесить гормонами мозги богатых климактеричек.

За ним, подменяя ловкость страхом смерти, карабкались Глюк и обе девушки.

Подруга Диззи добралась до плоского уступа. Привстала на цыпочки, ухватилась за жилистую, выглядевшую крепкой плетью скального вьюнка. Плеть лопнула, два вопля слились в один: сорвавшейся девушки и толстяка Хью. Подруга Диззи бестолково копошилась у подножия скалы, вытирая о плечо рассеченную до крови щеку. Она больше не кричала, только скулила, как покалеченная собака.

Зато Хью орал, как резаный.

Поздно, слишком поздно он внял совету Латомбы. Зазубренный коготь паллюска насквозь пробил икроножную мышцу толстяка. Хью корчился раздавленным слизнем и вопил благим матом, брызжа слюной. Он не видел, что сверху на него уставилось его собственное лицо, вылепленное из скользкой плоти. Паллюск изучал человека с любопытством энтомолога, насадившего на булавку редкого мотылька.

Обернувшись на бегу, Диззи выстрелил. Луч полоснул по сочленению лапы, пригвоздившей толстяка, и срезал ее, словно ножом.

— Оп-ди-ду! — бормотал Игги, взбираясь на скалу. — Оп-ди-да!

Время от времени он выворачивал голову так, что в шее опасно хрустело. Не для того, чтобы узнать, далеко ли паллюски, гонятся ли они за беглым элит-визажистом. Игги Добсу было интересно. Интересно, долбись оно слоном!

Хью ухватился за обрубок паучьей лапы, торчащий из окровавленной икры. С хриплым ревом толстяк вырвал пакость из раны. Вскочив, он с неожиданной

резвостью заковылял прочь, оставляя за собой след, привлекательный для любого хищника. Впрочем, паллюск не стал гнаться за пожирателем блинов. Задрав раковину, тварь уставилась вверх. Там, на вершине скалы, приплясывал дуреющий от возбуждения Латомба. Зрелище заворожило паллюска. Псевдо-лицо Хью, далеко выдвинутое из раковины, заколебалось, подернулось рябью. Миг, и розоватая плоть сделалась темной, почти черной.

На стриптизера глядела его копия.

— Пляши! — взвыл Игги. — Пляши, Лат!

И сорвался вниз.

Перед глазами замелькали каменные сколы. Игги попытался за что-нибудь уцепиться, но только сорвал два ногтя на правой руке. Природный наждак с палаческим удовлетворением мазнул по лбу, и Игги оказался на исходной позиции: у подножия скалы. Он помотал головой, пытаясь избавиться от звона, но тот лишь переместился из одного уха в другое. Лоб отчаянно саднил. Забыв о паллюсках, Добс тронул его ладонью, взвыл от острой боли — и тупо уставился на пальцы, окрашенные красным. Охотничий костюм был изодран в клочья. К счастью, армированная ткань сражалась до конца. Если бы не прочность одежды, клочьями свисала бы сейчас кожа Игги.

Сил для второй попытки не осталось.

Паллюски разбрелись по округе. Двое — самые крупные, с лицами Игги и Миры — склонились над махайродом, заплевывая хищника в два рта. Чуть выждав, они вытянули губы трубочкой — дальше, еще дальше, пока рты не превратились в морщинистые хоботки — и присосались к туше. Еще один, мелкий, с раковиной, треснувшей по краю, лакомился останками своего же растрелянного приятеля. Искалеченный паллюск с физиономией Лата, за неимением иной поживы, высасывал содержимое из обрубка собственной лапы, валявшегося на земле. Остальные бродили вокруг, как бы в раздумьях, забыв о горе-охотниках. Звуки, которые издавали паллюски, странным образом напоминали человеческую речь. Игги даже показалось, что он разбирает свистящие и булькающие слова:

— Завалилл... завалилллли...

— ...мрасссь...

— Вшшштырилло...

— Помогите! На помощь!

Нет, понял Игги. Это не паллюски.

Кричал Глюк, оседлав горбатый уступ. Король вирт-шоу склонился к коммуникатору,

уткнувшись носом в ярко-алое мерцание сферы, активированной в аларм-режиме, и повторял призыв, как заклинание. В трех метрах выше, на вершине, рядом с упавшим на колени Латом, рыдала бледная, дрожащая Мира. Под ними, обходя паллюсков по широкой дуге, ковылял к джунглям Хью. Кровь из ноги толстяка продолжала течь, но Хью упрямо шел, пока не исчез за деревьями. Диззи нигде не было видно; его подруга, отчаявшись встать, ползла в сторону аэромоба. С такими темпами она добралась бы до цели к вечеру. От вида ее развороченной щеки Игги едва не сблевал.

Один паллюск обернулся к Игги:

— Сссдоо? Сдоооххни...

— Ооп-ди, — поддержал второй. — Ду-ду-ддааа...

Мертвыми пальцами Игги нащупал рукоятку «Ангстрема». Он еще колебался, не зная, что разумнее — стрелять в тварей или застрелиться самому — когда в зарослях раздался громкий треск. Из кустов выломился Хью, ковыляя заметно быстрее, чем раньше. Толстяк от кого-то удирал; от кого-то, кто пугал его больше отвратительных паллюсков. Тут с Игги случился краткий приступ *déjà vu*. Джунгли за жирной спиной Хью расслоились во второй раз. Сквозь листву и плетеные занавеси лиан проступили зыбкие силуэты: много, больше десятка. Игги всмотрелся — и захрипел от рези в многострадальных глазах. Опушка полыхнула диким, убийственным пламенем; казалось, из кустов по Игги Добсу ударила батарея плазматоров.

Паллюски проявили неожиданную прыть. Они кинулись к засевшим в джунглях стрелкам, стремительно сокращая дистанцию. Но добраться до врага тварям не удалось. Шквал огня смел их на бегу, отсекая паучьи ноги, разнося раковины в куски, выжигая из панциря склизкую плоть. Самый шустрый метнулся в сторону, но прожил лишь на секунду дольше остальных.

Игги глянул на «Ангстрем», который держал в руке. Затолкать оружие в кобуру удалось с третьего раза. Он вытер о штаны ладонь, скользкую от пота и крови, встал и, спотыкаясь, направился к спасателям.

— Где вы шлялись, дармоеды?! Нас чуть не сожрали!

Молодой спасатель слушал Игги с каменным лицом.

— Да ты знаешь, урод, кто я?! Ты в курсе, какая у меня страховка?!

Спасатель не пытался вставить хоть слово в свое оправдание, и это доводило Добса до белого каления.

— Ты должен на спутнике верхом сидеть! День и ночь! Бдить за мной, идиот! Я тебя

по судам затаскаю! всю твою сраную контору! По миру пуцу! Будешь дерьмо жрать и ботинки мне лизать...

Правый бок взорвался черной, оглушающей болью. В глазах потемнело. Игги хотел выдохнуть, но вместо воздуха, спекшегося в легких, его мучительно вывернуло желчью; и еще раз. Когда он наконец смог дышать, а тьма поредела, Игги обнаружил, что лежит, скорчившись, в луже паллюсковой слизи. Рядом с виском Добса качался с пятки на носок пыльный армейский ботинок.

— ...жаловаться, — простонал Игги. — Я иск подам...

— Это ваше право, — согласился ботинок.

— Кто вы... такой?

— Курсант Тумидус, 17-е высшее военное училище либурнариев ВКС Помпилианской Империи. Четвертый курс, первая манипула. Личный номер 172843PQL. Запомнили, или вам записать?

Оп, мертвея, понял Игги. Полный оп, и ди-ду-да. Помпилианцы! Чужая планета, безлюдный остров, кругом одно зверье... Ни адвокатов, ни телохранителей, ни просто свидетелей! Высший разум, лучше бы нас сожрали...

— Вы знаете, где находитесь? — допрашивал неумолимый ботинок.

— Н-на Тренге...

— А точнее?

Возьмут в рабство, сказал себе Игги. Точно, возьмут. Буду болтаться за хозяином до конца жизни. Безвольная кукла, живая батарейка. Сдохну на заводе или в ходовом отсеке галеры...

— На острове... На острове Андин!

— Вы уверены?

— Да!

— Вынужден вас разочаровать. Вы на острове Сколарис. Этот остров сдан Лигой в аренду Помпилии сроком на девяносто девять лет. Посторонним здесь находиться запрещено.

— Глюк! — заплакал Игги. — Глюк, сволота... Ты вводил координаты?

— Где ваш проводник? — ботинок отступил на шаг. — Представитель туркомпании?

— Нету...

— Ваш транспорт в порядке?

— Наверное...

— Гельвий, Секст! Окажите помощь раненым.

V

— Курсант Тумидус, вы идиот!

— Так точно, господин дисциплинар-легат!

— Вы — безмозглый кретин!

— Так точно, господин дисциплинар-легат!

— Вы — позор военно-космического флота Помпилии!

— Так точно...